

Сергей Черкасов

Культурный сюрприз на
счастье

16+

Сергей Андреевич Черкасов

Культурный сюрприз на счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55543087

SelfPub; 2020

Аннотация

Последние годы Советской власти. Времена перестройки. Обыденное никчёмное существование двух пьяниц-алкоголиков. Их судьба не оригинальна. Грязь пьянства, угрюмый юмор и, какая ни какая, но всё-таки лирика. Что же можно было ещё ожидать... Обыкновенная история с оказавшимися в итоге положительными героями. Написана тридцать лет тому назад.

Каждую субботу, в отличие от прочих дней недели, вся жизнь моя течет по раз и навсегда заведенному распорядку. В десять утра, если ничего не помешает, проснусь, протру глазенки, наспех чего-нибудь пожую для наполнения желудка и быстренько в гастроном побегу. Надо же вовремя успеть к открытию винного отдела, чтобы нужный продукт в первых рядах взять, пока все не расхватали. Там, конечно, как обычно, столпотворение, но я без очереди – меня же все знают! – куплю бутылочку беленькой, вареной колбаски по талону грамм двести и назад домой. Дома отдохну малость и в баню топаю. Баня, я вам скажу, это – вещь! А для меня к тому же самое значительное событие за неделю. Не посетить ее, значит, в конец испортить долгожданные выходные. Попарюсь в свое удовольствие, помоюсь, как следует, и на хату, колбасу резать. Колбаску порежу, бутылочку откупорю, врублю телевизор на полную громкость, а сам перед ним сяду. Соседка говорит, что по нему иногда очень занимательные вещи показывают. Люблю я вот так культурно, со стаканом в руке и при полном уюте, скоротать вечерок перед телевизионным экраном.

Как-то, помнится, лет пять тому назад прихожу я домой из бани. Настроение приподнятое, аж петь хочется. Достал заранее выставленную за окно для охлаждения бутылку, присел на свою любимую кушетку, колбасу режу. Вдруг телефонный звонок! Я даже вздрогнул от неожиданности:

молчал-молчал полгода и вот зазвонил нежданно-негаданно. А я-то думал, что мне телефон давно отключили. Снимаю трубку и прикладываю ее к нужному месту. В ухо кричит мой закадычный приятель Витька. Свадьба у него сегодня оказывается, зовет прийти отметить. С невыносимой тоскою смотрю я на порезанную аппетитными ломтями колбасу, размышляю. Наверно, думаю, у них там туговато со спиртным, раз обо мне вспомнили и решились пригласить в гости. Но делать нечего: друг есть друг, это не какая-нибудь подруга, его в беде не бросишь, надо идти. Тем более, что по ящику сегодняшним вечером эти охламоны с телестудии ничего интересного крутить не собираются. Бог с ним, думаю, потом окультурюсь...

Хватаю я шапку, залезаю в пальто и только тут вспоминаю, что обычно новобрачным принято чего-нибудь дарить. Оглядываюсь по сторонам, зачем-то шарю по карманам. Бесплезно. Денег, как и следовало ожидать, ни копейки, а в доме хоть шаром покати. Разве что раму от картины подарить? Чего ей, думаю, целый век без толку на стенке пылиться. Снял ее, повертел в руках. Позолота за давностью лет в некоторых местах отлетела. Жалко... Такую обшарпанную фраму-гу неудобно даже продавать, не то что дарить. Кинул ее под стол, черт с ней, пускай валяется...

Кручу головой туда-сюда и обратно, соображаю. Но крути – не крути, единственно по-настоящему ценная вещь сегодня у меня – купленная поутру поллитровка. Вот, думаю, ее-

то я и подарю молодоженам. Хороший сувенир! И с каждым годом становится все более дорогим и желанным подарком. Жалко, конечно, последнюю бутылку от сердца отрывать, но чем ради друга не пожертвуешь! Не такой уж горький я пропойца...

Хватаю бутылку, пихаю ее в карман пальто, но вовремя останавливаюсь. Опять что-то не то получается. Ну скажите, разве можно прийти в культурный дом и просто сунуть хозяину в руки бутылку водки? Как бы это выглядело с моей стороны? Явным проявлением бескультурья, другого слова не подобрать. Снова головой верчу, снова соображаю, чтобы предпринять... Наконец, придумал, – я же очень находчивый! Взял и нашел на шкафу пустую коробку из-под "скороходовских" ботинок, когда-то, в более счастливые времена купленных. Стер с коробки толстый слой слежавшейся пыли и стала она как новая. И ярлык содрал, чтоб Витька со своей теперешней женой лишний раз не вспоминал о моих ботинках, а также о девятирублевой их цене. Вот как, думаю, в жизни иногда получается: штилеты давно изношены, а коробка, гляди, жива! Только больно уж скромна для свадебного подарка. Но и здесь я нашел выход и, мне думается, достаточно оригинальный. Вырезал из какого-то старого журнала, валявшегося там же на шкафу, веселенькую картинку с шикарной теткой и наклеил ее на крышку коробки. Вот когда клей "Момент" пригодился! А я ведь всегда говорил, что он очень нужная, крайне полезная, а в некоторых случаях

просто незаменимая в доме вещь. Особенно в критические моменты нашей многострадальной жизни, когда, к примеру, вдруг денег до получки не хватает...

Аккуратно уложил я в коробку драгоценную мою поллитровочку, предварительно завернул ее, как младенца, в десяток газетных листов, чтобы в коробке не болталась и своей болтовней зазря не привлекала внимания посторонних, а для гарантии еще и журнальных обрезков в углы наложил. Коробку плотно закрыл и крепко-накрепко обвязал бечевкой, какая под руку попалась. Надежно перевязал, с морскими узлами, а для красоты бабий бантик сбоку устроил. Посмотрел – сплошное загляденье! Аж самому захотелось получить такой необыкновенный подарочек! С моей помощью жалкая башмачная коробочка поимела праздничный вид и приобрела столь необходимые для подарка тяжесть и таинственность. Я ж в этом что-то кумекаю, не в крапиве найден... И с бантиком очень культурно получилось! Очень эффектно и впечатляюще! Вот, думаю, все обалдеют, когда ее вскроют. Вот сюрприз-то будет новобрачным!

Прихожу к Витьке, бьюсь о дверь, как рыба об лед, и ничего не получается: она почему-то оказалась закрытой на замок. Тогда остервенело начинаю барабанить ногой, – открывайте, мол, я пришел! Дверь открывает Витька собственной своей персоной. Стоит передо мною, пузо выставил и уже заметно на ногах качается, а из-за плеча его чья-то косматая голова с напыленной на кудри грязной занавесковой выгляды-

вает. Присмотрелся я внимательно, – никак Ленка! Вот дура набитая! За алкаша замуж пошла! Да и он тоже хорош. Кто же в нашем районе Ленку не знает!?! Во, псих!.. До такой жизни дойти... Ну ладно, это его проблемы, думаю я, а сам в приоткрытую дверь заглядываю, – там-то чего для меня приготовлено? Вижу, – в комнате стол накрыт и все, как в приличных домах, на нем имеется, – и питье, и закуска какая надобна. Тут я малость успокоился: и без моей "Пшеничной" найдется что выпить. Не то, чтобы стол от бутылок ломится, но троим на вечер вполне хватит. Даже, я бы сказал, с излишком, хотя в таких делах излишка обычно не случается. Как же, думаю, Витька смог такой великолепный стол сварганить, будучи третий год безработным? Или Ленка свою лепту внесла, на панели подзаработав? Неэтичные вопросы... А вообще, какое это имеет для меня значение? И без этих знаний все выпьем!

Тем временем, пока я косил глазом на накрытый стол, Витька меня в грудь толкает. Видно, радуется гад, что я к нему в гости пришел. И Ленка во весь свой щербатый рот улыбается. Значит, не обижается на меня за последнюю нашу встречу и тот фингал, который я ей тогда под глаз засветил. Ну, это понятно! Она сейчас всем в жизни счастлива, всем на свете довольна. Да и как, скажите, не быть ей довольной, если удалось захомутать такого парня. Он же по выпивке любого обставит, а кто не согласится и возмущаться начнет, так в лоб звезданёт, что тот вовек до дому не доберется! Уж его-

то я знаю, как облупленного.

Смотрю я, – Витька на коробку мою заглядывается, а спросить про нее не решается. Культурный, гад! Знает, что гость сам должен преподнести подарок и, какие бы ты кулаки за жизнь не отрастил, силой его вырывать нельзя. Я, может быть, ташу в ремонт ботинки и по пути заглянул к ним на свадьбу? Кто знает... Решил я Витьку маленько помучить, спрятал за спину коробку и начал долго и муторно рассуждать о тяжелой нашей жизни. Но потом спохватился. Жалко мне его стало, свадьба все же... Веселиться же надо, а я лезу со своими тоскливыми причитаниями, – некультурно получается. Тогда я прервал сам себя, сунул в Витькины растопыренные руки коробку и торжественно говорю:

– Это, – говорю, – подарок от меня вам на свадьбу! И подарок не простой, а со значением!.. Ты, – говорю, – его сейчас не разворачивай и не смотри, что там внутри лежит. И давай, Витька, договоримся по-дружески, – а тут как раз Ленка его в качестве добровольной свидетельницы свой вострый нос сует, – ты вскроешь эту коробку только тогда, когда тебе очень плохо будет... Прямо-таки нестерпимо плохо, – и ни минутой раньше! И чур, вскрывать обязательно вместе со мной! Договорились? – и сам загадочно улыбаюсь, – Это, – говорю, – такой сюрприз вам на счастье...

А Витька ржет в ответ:

– Я, – говорит, – и не ожидал от тебя никакого подарка!

Во, какое бескультурье!! Надо же быть таким до бесчув-

ствия обнаглевшим! Ему ничего не стоит вот так, походя, обидеть человека! Оскорбить меня, своего лучшего друга, который готов пожертвовать ради него последней каплей! Что я – забулдыга какой-нибудь, чтобы без подарка на свадьбу являться!?

А Витька продолжает:

– Я, – говорит, – с детства нелюбопытный. Да и Ленка моя тоже.

И сам лапищей своей потной без всякого стеснения охватывает Ленку ниже талии и со спины вниз, как телку какую-нибудь, оглаживает. Хвалит, что ли, за врожденную нелюбопытность? Никакой культуры! Разве можно так лапать даму при посторонних!? Ведь и другим же захочется, несмотря на ихнюю культуру...

– Ты же ведь знаешь, – говорит Витька, – я терпеливый донельзя. Положу твой сюрприз на сервант, пусть там лежит. И не бойсь, без тебя не трону... На кой он мне нужен?..

А у самого глазки блестят. Даже Ленку свою обнимать бросил, словно клещ в коробку вцепился, крутит ее в руках, скорпулезно рассматривает, чуть ли не нюхает, того и гляди, на зуб попробует. Увидел картинку – дико расхохотался, но внимательно присмотревшись, коробочную кралю раскритиковал вдрызг. И то у нее, видите ли, не так, и это, вроде бы, не совсем то. И пальцем своим корявым тыкает, показывает нам ее бабские недостатки, чуть крышку насквозь не пробил. Ну, конечно, думаю, придуривайся больше! Все предельно

ясно: раз чуешь, что такая красотка тебе не по зубам, так чего ж не охать ее почем зря. Как известная лисица не менее известный сыр.

Тыкал-тыкал Витька тетку куда попало, с Ленкой сравнивал и нежданно-негаданно пришел к сногсшибательному выводу, – я даже чуть не упал от неожиданности, – что Ленка его, оказывается, в сто раз лучше! Не в два, не в три, а именно в сто! Вот умора! Хотя в чем-то он по-своему прав: культурные люди в сочтетательный день всегда обязаны новую жену хвалить, а потом уж, после медовой недели или сразу на другой день после свадьбы, можно ей и правду сказать. Вот и Витька вроде культурного поступает, сейчас ублажает свою Ленку, а потом уж, как водится, на всю катушку развернется. Недаром же он захотел коробку поставить на сервант! Небось, для того, чтобы приклеенной кралей каждый день любоваться.

Но тут Ленка скромность свою проявила. Какой, скажите, лахудре понравится, чтоб ее все, кому не лень, по косточкам раскладывали и филейные части, как в мясном магазине, сравнивали... Правда, теперь в магазинах не то что мяса, костей не встретишь...

– Чего мы, – говорит Ленка, – в прихожей топчемся? Пошли за стол, а то водка протухнет!

Когда речь заходит о таком важном деле, нас с Витькой упрашивать не надо. Я еле успел пальтишко свое сбросить, как уже первый стакан налили. Потом еще по стакану выпипи-

ли и на этот раз закусили. Я, как водится, тост приличный выдал. Поздравил новобрачных и пожелал им всего разного. И здоровья, и счастья, и достатка немалого, чтоб о деньгах не думалось, и детенышей нарожать побольше. Очень у меня это красиво получилось. Почти как в кино, на торжественных приемах сиятельных особ. Я даже цветок из старой газеты – в прихожей на полу валялась, – сделал и Ленке Витькиной преподнес. А она, дуреха, так от моего тоста и букета расчувствовалась, что целоваться ко мне полезла, но я – кремень, друга никогда не предаю, – послал ее к Витьке и с горя во весь голос закричал "горько".

Потом еще по стакану налили. "Лимонная", кстати, совсем неплохо пьется под минтаевую икорку, хотя "Столичная" все же лучше. Мы и ее выпили, и о нашей тяжелой жизни поговорили. О том, как неуклонно повышаются цены на спиртное.

Потом Кешка, алкаш из соседнего парадняка пришел и притащил полтора литра портвейна в подарок. С ним немного поговорили, выпили принесенный им портвейн, еще пару раз покричали "горько". Но Кешка вскоре осовел без видимой на то причины, прилег на Витькину прогнутую раскладушку, к стеночке отвернулся и захрапел. Слабак! Где только таких воспитывают!? Пол литра винища выпил и с копыт долой! Ну что нынче за молодежь пошла...

Потом снова выпили и поговорили о здоровье, у кого какие болячки, и кто как от своей хворобы лечится.

– Понимаешь, – говорю я Витьке, – у меня все кругом болит, иногда даже не разобрать что именно. То ли печенка, то ли железы... У меня же чуть ли не каждый день спазмы периферических сосудов случаются! Я даже в метро не могу спокойно кататься, – меня из стороны в сторону мотает и все стошнить норовит...

– Меньше пить надо! – глаголет Витька прописную истину, прерывая тем самым нескончаемый поток моих жалоб.

– Да я же не так уж много и пью, – говорю, – И к тому же я каждый стакан всегда корвалолом запиваю. А иногда даже валокардином! И все равно не помогает... У меня защемлено здесь, вот здесь и вот тут...

И показываю Витьке с Ленкой, где именно у меня защемляет.

– А у тебя случайно нету перелома матки? – измывается надо мною Витька и предлагает прямо сейчас сделать мне операцию или сразу, чтоб не мучился, харакири.

– Ты все, – говорю, – смеешься, а я ежеминутно живу в страшных мучениях... Я же тебя на полгода старше... – зачем-то добавляю я.

– Не расстраивайся, – успокаивает меня Витька, – У меня у самого в последнее время что-то печень пошаливает и почки не держат...

Короче, после длительной беседы мы пришли к общеизвестному выводу, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. И выпили за это.

Потом хряпнули за Митрия Иваныча Менделеевского, родоначальника нашей русской водки. Вот настоящий химик был, не то, что нынешние. Умел химичить и необходимость сорока градусов очень классно доказывал. Целую докторскую диссертацию, говорят, ей, нашей всенародно ненаглядной посвятил! Не чета современным докторам: не пить, не лечить не умеют... А некоторые еще удивляются, почему это вдруг ему табличка менделеевская привиделась, а никому другому... Чего уж тут удивляться? Немудрено, после стольких-то трудов... Мы, когда хорошо посидим, ее тоже частенько видим...

А потом Харитоныч приплелся. Ну и нюх у этого прохиндея! Восемьдесят лет старику, а спиртное за сотню верст чует. А как унюхает, мигом приковывает. Это ж известно: на халяву и укус сладкий! Пришлось ему плеснуть в стакан за поздравления. Еле выпроводили этого проходимца, все уходить не хотел, еще один тост порывался сказать.

Потом, кажется, после восьмого стакана Витька не утерпел и потянулся к моему подарку. Опять с нескрываемым пристрастием стали рассматривать журнальную красотку и с присущим нам чувством юмора смаковать ее прелести. Короче, вволю поиздевались над нею, кто во что горазд. Горелой спичкой пририсовали ей для пикантности гусарские усики и снова ржали до потери пульса. Конечно, с нашей стороны было не совсем культурно использовать для этой цели спичку, но как мы не искали, нам во всей квартире не уда-

лось найти авторучку или хотя бы какой-нибудь огрызок карандаша. Долго Витька с Ленкой изучали мою сюрпризную коробку, но при мне открыть ее так и не решились. Какова выдержка! До сих пор удивляюсь, как они тогда устояли, я бы так не смог... Культурные они все же люди, даже в таком состоянии слово свое держат. Посмотрели, посмеялись и поставили коробку обратно на сервант. То ли для украшения, то ли для устрашения, – я не расслышал. Ленка, когда малость выпьет, очень уж нечленораздельно своим писклявым голосом выражается.

Потом я и Витька по очереди танцевали с Ленкой. Двое пляшут, а третий лишней губами на расческе аккомпанемент откалывает. Здорово у нас получалось! Какие только па не выделявали! С чувством танцевали и долго. До тех пор, пока у Ленки не лопнули джинсы на самом интересном месте. Мы выпили за это и все вместе, хором, стали их зашивать и кричать "горько".

А потом снова о жизни говорили. О прошлых счастливых временах, когда водка, хоть изредка, но дешевела. Вспомнили любимую нами "андроповку", которую в простонародье называли также "школьной" водкой, наверно, потому что она появилась в продаже как раз первого сентября. Вот как легко любому кагэбэшнику стать любимцем публики, завоевать всенародную любовь и почитание. Стоит только полтинник сбросить с бутылки и все в ажуре, ты – народный герой! Молодец Андропов! Понял душу русского мужика... Тогда да-

же слово "водка" в народе расшифровывали: Вот Он Добрый Какой Андропов! Но как быстро проходит слава... Эх, бывали времена... Спиртным хоть залейся, и никакой перестройкой не пахло...

Потом... А что было потом, я уже и не помню. Вернее, помню, но как-то очень невразумительно. Что-то пили, о чем-то говорили, Ленка навзрыд пищала, Витька орал "горько" и целовался по очереди то со мной, то с Ленкой. Но все это сейчас вспоминается с трудом, все видится в каком-то непонятном тумане. Но как бы то ни было, свадьба получилась отличная, прошла культурно, – обошлось без поножовщины, – и, если б я не отключился, должна бы запомниться мне надолго. Хорошо посидели... И стол был что надо. И я со своим подарком выглядел неплохо, очень даже культурно. И Витька с Ленкой ко мне уважительно отнеслись, вечером в воскресенье проводили меня до самого дома. Один бы я не дошел, потому что очень темно было. Телевизор уже ни фига не показывал и я с чистой совестью лег спать.

А наутро, едва проснувшись, звоню Витьке.

– Неплохо, – говорю, – мы вчера погуляли? Или позавчера?.. Правда, хорошо водочка шла?

– Да, – говорит Витька, напряженно зевая, – но она из тебя хорошо и вышла... Устроил Ленке внеплановый субботник. Она всю брачную ночь, вместо того, чтобы со мной в кровати развлекаться, пол мыла...

Я, понятное дело, быстренько меняю направление разговора.

– А как у тебя? – говорю, – Головка не болит? Тебе, – говорю, и настойчиво говорю, – не очень плохо?

И дурак бы понял, что я его усиленно наталкиваю на мысль о моей дареной коробке. Но Витька с похмелья всегда какой-то ненормальный. Ни черта не соображает! Ни в зуб ногой... Я уж потом ему прямо говорю:

– Давай, Витька, – говорю, – вскроем коробку!

А он мне:

– Не-а, мне сейчас очень даже хорошо! Вот Ленка яишню справит, я ее съем и снова спать буду... – и трубку повесил, гад ползучий.

Помучился я, помучился, но делать нечего. Не бежать же отбирать подарок!? Это было бы вовсе некультурно с моей стороны.

Не раз я потом вспоминал о своей, теперь уже Витькиной, заветной коробочке, так временами мне хотелось в нее залезть и попробовать содержимое. Даже по ночам снилась в газеты запеленатая бутылка "Пшеничной". Сам не пойму, в чем причина подобных галлюцинаций? Вроде бы в спиртном я не ограничен, в худшем случае раз в неделю свою поллитру выпиваю, но, видно, душою я к той зелененькой бутылочке так привязался, что позабыть ее никак не мог... И преодолевая неловкость, я вновь крутил телефонный диск и, наплевав на всякую культуру, без зазрения совести намекал Вить-

ке, что не мешало бы вскрыть коробочку, нарушить целостность приклеенной красочки. Но разве этого паразита расколешь на доброе дело!

Сначала Витька просто прикидывался непонимающим. Все про Ленку свою небылицы рассказывал, какая она оказалась хорошей хозяйкой и вообще бабой, что надо... А потом, – сейчас уж точно не помню, на двадцатом или тридцатом звонке, – сорвался.

– Чего ты, – говорит, – ко мне пристал!? Постоянно твердишь: плохо да плохо! А мне очень даже хорошо! Так и знай! И запомни, – говорит Витька, – плохо мне никогда не будет!

Очень некультурно он тогда со мной разговаривал и опять первым бросил телефонную трубку. Конечно, сила воли неплохая вещь и хорошо, что она у Витьки имеется, но зачем же так немилосердно со мной обращаться? Я сначала, понятное дело, обиделся, а потом хорошенько поразмыслил и воочию понял, что Витька просто-напросто меня за нос водит. Сам, небось, давно всю бутылку выжрал, гад! С Ленкой своей! Без меня! А еще друг называется... Здесь уж не до обид, – оскорбиться надо. И я вовсе перестал ему звонить.

Витька, правда, пытался замазать свое подлое предательство. Изредка мне телефонировал, чуть ли не каждый месяц в гости приглашал... Но, как назло, всегда в субботу, когда у меня традиционное банно-колбасное мероприятие. Неужто нельзя выбрать для гостеприимства другой какой-нибудь день, менее занятой? Нет, думаю, это Витька спе-

циально так поступает, нарочно назначает субботу, чтобы лишний раз надо мною поиздеваться. Что ни говори, а бескультурие из него так и прет, со всех сторон выпирает наружу...

А намедни в воскресенье проснулся я поутру весь расклеенный. Голова шумит, – сил нет. Опохмелиться бы, да все вчера до последней капли приговорил. Слишком уж долго шла телепередача, насилу ее досмотрел до конца, – вот и бутылка вся вышла... Лежу я, о жизни думаю. А тут звонок! Дотащился, как мог, до телефона, а там Витька-предатель меня домогается. Наверно, думаю, снова надо мной глумиться будет.

– Здравствуй, – говорит Витька, – Как живешь!? – опять, гад, издевается, – Давно, – говорит, – мы все-таки не виделись. Только и разговариваем, что по телефону...

Я молчу, внимательно слушаю, Витькиным словам внимаю.

– Приходи, – говорит, – к нам сегодня на обед. Хорошо? Мы тебя к трем часам ждем... Договорились?

Я головой киваю и сказать ничего не могу по причине своей утрешной расклеенности. Да и что скажешь на такое культурное приглашение... А потом вдруг сообразил и, честно признаюсь, страшно обрадовался. Я ж в тот день был на мели, в карманах ветер гулял, – это ж понимать надо! Финансов – кот наплакал, – даже на стакан не наскрести, не то, что на полноценную бутылку, а тут такой щедрый, прямо-таки

с небес свалившийся подарок! Надо же как, думаю, повезло! Задарма выпить и изничтожить свою головную боль! Вот что значит настоящий друг! В самый трудный жизненный момент позвонил, почувствовал мою безысходность... Друг есть друг! Когда потребуется – из могилы вытащит...

Забегал я, в гости стал собираться. Прежде всего брюки на ноги натянул, минут десять искал рубашку посвежее. Потом очнулся, в окно глянул – на улице темень кромешная, до трех-то часов, думаю, еще о-го-го сколько... Набрал "ноль-восемь", а телефонная бабушка гнусавым голосом нудно эдак мне и говорит: "Восемь часов двадцать три минуты..." Пару раз прохрипела и запикала. Вот стерва! Как будто трудно сказать, что уже два часа пополудни... Да и Витька тоже хорош! Не мог обед, что ли, сгношить пораньше?

Бегал-бегал я по комнате, голова раскалывается, во рту изжога, самочувствие самое, что ни на есть, мерзопакостное. Эта чертова телефонистка кому угодно настроение испортит! Тем более мне... У меня ведь иногда по утрам неврастеничность случается, особенно после тяжелого трудового дня. Вот и на этот раз хотелось так напиться, чтобы позабыть, где пил и что пил...

Прошло, наверно, полчаса. Снова звонить гнусавой тетке и узнавать у нее который час было нестерпимо противно. По ящику опять показывали какую-то муру. Я стал понемногу нервничать. Это ж сколько еще можно ждать!? Немудрено и

с ума сойти... А потом я подумал: чего я зазря беспокоюсь? Поеду-ка я к Витьке прямо сейчас. Хотя и не культурно так рано являться в гости, но Витька, думаю, меня поймет. К тому же он прекрасно знает, что у меня вовек часов не бывало.

Вскоре я был уже у Витькиной двери и колошматил по ней, что есть силы, ногой.

– Здорово... – несколько удивленно, но в то же время достаточно культурно, чтобы не показать свое удивление, приветствует меня Витька и протягивает пятерню.

В ответ, – раз он этого хочет, – я жму Витькину мозолистую ладонь, хотя не понимаю зачем. Ведь всего лишь час тому назад мы с ним, вроде бы, по телефону уже здоровались.

– А ты почему звонком не пользуешься? Не умеешь? – самым нахальным образом спрашивает меня Витька и с неподражаемой наглостью нажимает кнопку входного звонка, демонстрируя мне как им нужно пользоваться. По лестничной площадке и Витькиной квартире плывет мелодичный перезвон. Звучит красиво. И культурно. Не то, что поведение хозяина, который, не дав гостю переступить порог и отдышаться, начинает над ним измываться.

– По привычке, – отвечаю я Витьке, – А ты что, уже его починил? – кивая на звонок, задаю я Витьке глупый вопрос, потому что сам не понимаю, как могло произойти подобное чудо. – Когда ж ты успел?

– Да нет, я новый звонок поставил, – говорит Витька, – Прежний очень уж был пронзительным... Разве ты не пом-

нишь?

А как же мне, скажите, помнить, если все двадцать лет, что мы с Витькой знакомы, звонок был напрочь испорчен? Странные какие-то вопросы задает Витька. С похмелья, что ли? Вроде, непохоже... Пригляделся я к Витьке внимательно и вижу, нутром чувствую, с ним за последние пять лет произошло что-то невообразимое. Если б мы с ним встретились на улице или где-нибудь в другом месте, и он сам первым со мной не заговорил бы, то я бы его вообще не узнал. Изменился он здорово. Посмотришь на него – совсем не тот человек, что раньше. Отпустил рыжеватые усики, свою щетину зачем-то сбрил. Глаза не рыскают, а смотрят на меня спокойно. И внешне Витька весь до предела упитанный. Что произошло? Он как-то непонятно облагородился, – в пижаме по хате ходит... Короче, на сытого немца стал похож.

На звонок в прихожую выскочила Ленка и сразу же ручками заплескала, как это умеют делать толстые тетки, чтоб похвастаться аппетитными ямочками на этих самых пухлых ручках. То ли из-за ямочек, то ли еще почему, но она мне показалась куда как симпатичней, нежели в прошлый раз. И лохматость ее куда-то пропала. Ленка причесана, наверно, по моде, да и одета тоже ничего себе. Кто бы мог подумать, что эта шикарная дамочка средних лет когда-то таскала на своем розовом личике здоровенный фонарь под левым глазом? Теперь она носит другие украшения и выглядит не хуже той моей коробочной крали. Я же сразу узрел в Ленкиных

лопоухих ушах золотые сережки! А деньги, спрашивается, откуда? Вот в чем вопрос! И как это Витька позволяет ей форситься!? Да еще прямо на дому, в собственной квартире! Или она к моему приходу принарядилась?

Ленка, как всегда, сразу же закудаhtала. В этом-то она не изменилась.

– Раздевайся, раздевайся скорей, – говорит Ленка и гостеприимно помогает Витьке стягивать с меня пальто.

А потом тапочки синенькие мне протягивает. Я сую их подмышку, а сам думаю, зачем они мне, спрашивается, нужны? С каких это пор хозяева стали гостям подарки дарить? Может, в культурных домах теперь так принято? А Ленка мне знаками показывает, – на ноги, мол, надо тапочки надеть. Делать нечего, скидываю я свои допотопные грязедавы, влезаю в Ленкины шлепанцы. Потоптался на одном месте – чувство неопишваемое. Как-то непривычно, словно босиком по асфальту шлепаешь, а ноги сами собой заплетаются. Говорят, такие в музеях носят. Ну, думаю, и дела здесь творятся. Сначала пижама с сережками, а теперь, будьте любезны, – тапочки! Вообще ребята обалдели! На что тратятся...

А Ленка от меня не отстает, в спину толкает:

– Проходи, – говорит, – в гостиную. Сейчас чай пить будем...

Тут уж обалдел я сам. Глаза на лоб полезли от удивления. А Ленка, заметив мой недоуменный взгляд, а правильное сказать, вконец ошарашенный вид, добавляет:

– А обед уж, извини, попозже... Мне еще салат нужно приготовить, цыплят разделать, поставить их в духовку, торт украсить и еще куча разных дел...

Вот балаболка! Зачем, скажите, нам с Витькой все эти гастрономические излишества? Банки килек и пары головок лука за глаза хватит! Или вареной колбаски, той, которую бездомные кошки не жрут, на двоих грамм пятьсот... Лучше закуси не найти!

А Ленка продолжает балаболить:

– Ты совсем не изменился, – льстит она мне, наверно, женским чутьем своим угадывая, что в глубине души я нещадно кляню и осуждаю ее кулинарные способности.

Конечно, очень культурно с ее стороны говорить мне прямо в глаза такие приятные вещи. Чувствуется воспитание. Но сам-то я давно и определенно знаю, что старость моя неминуемо приближается. Еще лет восемь пройдет и сороковник стукнет... И с каждым новым днем краше я не стану. Как никак, а и мне изредка приходится в зеркало смотреться. У нас ведь в котельной над ручкомойником здоровенный осколок пришпандорен и тот, кто после работы решит помыться, волей-неволей взглянет на свою рожу. Только нет радости на себя смотреть... Чего там хорошего можно увидеть?... Эх, нет в жизни счастья!

– Ты же к нам, – кудахчет Ленка, – со дня нашей свадьбы не заходил. Обиделся на что-нибудь?.. Пропал, ни слуху, ни духу... Все только Вите надоедал какими-то непонятными

звонками о нашей плохой жизни... А мы живем хорошо! Видишь, импортную стенку недавно купили! Полгода в мебельном магазине отмечались...

И с этими словами Ленка заводит меня в комнату, которую она давеча почему-то назвала гостиной. И тут я чуть не упал от удивления! Нет, что стол будет пуст, я знал заранее, – сердобольная Ленка меня об этом еще в прихожей предупредила, так сказать, подготовила, а то бы меня вообще инфаркт в один миг расшиб... Да и стол здесь не причем. Стол как стол, – круглый, на четырех ножках, скатерка пестрая на нём и ваза с какими-то розочками... Но то, что я увидел вокруг него, меня поразило и потрясло до мозга костей. Это ужас какой-то!! Как будто я действительно в музей попал! Недаром, видно, Ленка мне эти чертовы тапки сунула...

И чего там только не было! Во-первых, та стенка, о которой Ленка только что трепалась. Во-вторых, диванчик модерновый, – не чета моей старенькой кушетке, – и два мягких кресла по сторонам. Это у Витьки-то! У которого раньше кроме колченогой табуретки и пары ходуном ходящих стульев ни фиги не было! Воистину, есть от чего с ума сойти...

Потом смотрю и глазам не верю, – убиться можно! – ковер на полу валяется! Метра два на три. Сам весь бежевый, а в центре и по краям красно-белые узорчики какие-то, наподобие мухоморов... Этот ковер меня окончательно доконал... Вообще, думаю, оборзели идиоты!? С жиру бесятся!? Нет, чтобы красоту такую на стенку повесить, чтоб все при-

ходящие для расширения собственного кругозора мухоморные узоры рассматривали, а они топчут ее ногами. Вот она – наша доморощенная культура! Далеко нам еще до Запада... Перестраиваться нам еще и перестраиваться, не зря газеты только об этом и пишут... Представляете, какое безобразное отношение к ценным предметам домашнего обихода! Было бы у меня такое богатство, я б дышать на него боялся...

А сам думаю, – во, буржуи, как жить стали! И это бывшие мои друзья-соратники!? Я сразу к Витьке пристал:

– Где, – говорю, – наворовал столько?

А Витька эдак хвастливо, как бы выказывая свое достоинство, мне отвечает:

– Заработали!

– Ну да! – безапелляционно заявляю я, – Столько добра в жизни не заработать! – и недоверчиво смотрю на Витьку. Какова будет его реакция? Расколется или нет?

Но Витька до предела спокоен, как будто окружающее богатство его нисколько не волнует. Бесчувственный он, что ли!? Да на такие деньжищи, наверно, сорок ящиков водки купить можно! За год одному не выпить!

А Витька, как ни в чем не бывало, полез в свою музейную стенку, из застекленной секции начал выставлять на стол чайные чашки и блюдца.

Тут опять Ленка встряла:

– Правда, веселенький сервиз? Тебе нравится? – спрашивает она меня.

Я что-то буркнул ей в ответ, а одновременно с тем в уме заново пересчитываю, сколько же они, растратчики, вложили в свою обстановку ящичков водки.

А Ленка опять пристаёт, с важной мысли сбивает:

– Ты чего нахохлился? – говорит, – Удивлен? Просто ты у нас давно не был... Вспомни, сколько раз тебя Витя приглашал в гости, а ты все отнекивался. На какие-то неотложные дела ссылался... И на телевизор... Хорошо хоть на деревянную годовщину пожаловал. И как только Вите удалось тебя уговорить?..

– Годовщину чего? – до сих пор занятый своими мыслями и пальцами я не до конца врубился в Ленкины причитания.

– Да нашей с Витей свадьбы! Пять же лет уже прошло!.. Эх, ты, забыл... – продолжает Ленка, – Вот утром сегодня Витя раньше меня встал, приготовил нам завтрак и за цветами сбегал. Нравятся тебе розы?

Я машинально киваю головой. Как быстро, думаю, время бежит. Я даже и не заметил, как эта пятилетка промелькнула. Раньше хоть на каждом углу лозунги трепыхались, напоминали простым людям, какой пошел год, определяющий, решающий или завершающий... Заботились о народе, не то, что сейчас... Эх, вот так и катится наша жизнь по протоптанной колее: котельная, баня, телевизор, снова котельная, опять баня... И нет в жизни счастья!

– Мы с Витей решили всех, кто у нас был тогда на свадьбе, пригласить в гости, – тараторит Ленка, – но оказалось, что

ты сегодня будешь единственным гостем.

– А Кешка где? – спрашиваю, – Этот мозгляк сопливый?

– У Иннокентия сейчас сессия в институте, – наконец-то подает голос глава семьи, – Он в Москве на заочном учится и вчера уехал сдавать экзамены.

– Да, он – молодец! За ум взялся по-настоящему... – мелькая из комнаты на кухню и обратно, Ленка успевает вставить словечко, – А Вера замуж вышла за офицера и уже третий год живет на Урале. Телеграмму нам прислала поздравительную...

– Какая такая Верка!? – удивляюсь я. – Почему не знаю?

– Ты, что же, все начисто забыл? – в свою очередь удивляется Ленка, – Она же у нас на свадьбе была. Стройная такая блондинка... Ты же с нею всю ночь отплясывал... Замучил девушку, у нее даже джинсы порвались от твоего кордебалета.

Я согласно киваю головой. Как же, как же, вспоминаю... Кажется, симпатичненькая... И чтобы вновь меня не упрекнули в забывчивости, беру инициативу в свои руки.

– А Харитоныч чего не пришел? – спрашиваю, – Или на этот раз ему вдруг нюх изменил?

– Умер Харитоныч... – очень натурально вздыхает Витька, – Двух лет до пенсии не дотянул...

– Как так!? – говорю, – Ты что-то путаешь! Ему же еще в то время лет восемьдесят было.

Витька отрицательно качает головой:

– Это нам тогда так казалось... Из-за его внешнего вида... На самом деле он только в этом году должен был бы шестидесятилетний юбилей справить...

Для приличия помолчали. А здесь Ленка с кухни прискакала и в руках чайники принесла. Один большой – с кипятком, другой, маленький, – для заварки. Как будто нельзя чай прямо в чашках заваривать... Транжиры! Никакой экономии!

– Вот булка, масло, сыр... Тебе чай покрепче? Вот овсяное печенье... А это джем клубничный... Бери, угощайся, – щебечет Ленка, разливая по чашкам чай.

– Джем вкусный, попробуй, – вторит ей Витька.

Я кисло улыбаюсь, – того ли я ждал! – и говорю, стараясь по мере возможности показать свою культуру:

– Конечно, конечно, – говорю, – Не беспокойтесь. Я же по натуре не стеснительный.

– Это мы знаем! – в один голос смеются Витька с Ленкой. И так здорово у них это на пару получается.

Сидим мы, культурно общаемся, не спеша чай хлебаем и вдруг совершенно для меня неожиданно открывается дверь смежной комнаты. О ее существовании я раньше, сотни раз бывая у Витьки, и не догадывался. Позднее уж Витька мне объяснил, что эту дверь всегда заслонял шкаф, и я при всем желании увидеть ее не мог. Комната в те времена пустовала, так на кой в ней зазря топтаться? Еще лишний раз убирать... Спасибо Витьке, успокоил он меня, а я уж, грешным делом,

подумал, что у меня опять галлюцинации какие-то начинаются. Как с Веркой и ее джинсами...

Так вот, секретная дверь открывается и оттуда выходит доньне неизвестное мне существо крошечного роста, цветом глаз и сытостью напоминающее Витьку. Я аж подпрыгнул, позабыв о прежних своих наваждениях. Столько новостей за один визит!

– Никак сынок твой!?! – кричу, – Ну ты, Витька, и молодец! Это ж надо, сына себе сумел сотворить! Что ж ты мне сразу не похвастался!?

Витька на мои пустые вопросы не отвечает, а подхватывает своего шпаненка, сажает его к себе на пижамную коленку и говорит уже нам обоим:

– А ну-ка, тезки, знакомитесь друг с другом!

Тут уж у меня прямо-таки слезы на глазах навернулись и в душе закипело. Надо же, в кои веки родить сына и взять и назвать его моим именем! Вот что значит настоящий друг! И, не выдержав переполнивших меня чувств, я говорю:

– Наливай, Витька! Давай скорей выпьем за подрастающее поколение!..

А Витька – все же он определенно со странностями! – самым неподобающим образом нагло мне заявляет:

– Я, – говорит, – при детях не пью. Такой у меня принцип! Мы не должны показывать детям плохие примеры. Чего хорошего, если они с утра до вечера будут наблюдать своих родителей в подпитом состоянии? И глядя на них самим при-

страшаться к этому проклятому зелью? И, в конце концов, свою молодость, а то и жизнь, променять на водку, как это в свое время сделали мы... Так что, милый, знай – при детях я не пью!.. А Елена Васильевна, кстати, с тех пор, как забеременела, вообще в рот ни капли спиртного не берет...

Тут уж я взбеленился по-настоящему, и такую в ответ речугу закатил, какую и не мечтал выговорить в своем расклевенном состоянии.

– Да что с вами произошло, – говорю, – черти окаянные!? Раньше же вы были нормальными ребятами! Люди как люди, свои в доску! А теперь?.. "Проклятое зелье... Ни капли в рот..." Ишь, друг ситный, как заговорил!.. Сплошное извращение! Вы, что же, совсем с ума посходили!? Не выпить за родного сына! За первую пятилетку своего обоюдного сожительства! Не помянуть беднягу Харитоныча! Нет, так жить нельзя!

Я не зря привел слова какого-то перестройщика, – очень уж я тогда возмутился. И кричал благим матом. Ленка даже с кухни прибежала и долго стояла, раскрыв рот, с ужасом глядя на меня. Мне и слов-то нормальных, чтоб высказать все накопившиеся проклятия, не хватило. Так и хотелось прямой русской речью выразиться, без всяких там французских реверансов... Хорошо хоть я быстро взял себя в руки и не наговорил лишнего. Все нецензурные слова вовнутрь проглотил, каких мучений мне это не стоило... Если, думаю, эти гады пить при детях не могут, так почему я, культурный чело-

век, должен при своем тезке нехорошими словами ругаться? Что я хуже их?.. Не такой уж я законченный алкаш, чтобы не уважать чужое мнение... В плюрализмах мы разбираемся...

Кончил я кричать и Ленка свой удивленный рот в один миг прикрыла. А Витька, как будто ничего меж нами не произошло, мне и отвечает:

– Нет, почему же, – говорит, – мы изредка, в день рождения или в Новый год, поднимаем фужер шампанского. Не такие уж мы трезвенники, как ты думаешь... Вот и сегодня праздничный обед устроили, понимаем, без спиртного не обойтись...

Тут Ленка в наш мужской разговор вмешалась, снова ее неугомонный рот заработал.

– Витя, – говорит, – работает водителем автобуса. На тридцать восьмом маршруте... Там вообще пить запрещено, даже в Новый год...

Ну, думаю, и загнула! Что же это за маршрут такой, где пить не разрешают? Президента, что ли, на работу возит Витька в своем автобусе? А сам говорю, – за мной же не заржавеет:

– А как же этот? – и тыкаю пальцем в их общего сыночка, – Вы будете себе сегодня зенки заливать, а он, несчастный, глазеть на вас и облизываться? Где же ваши принципы, которыми вы не можете поступаться?

– Нет, – опять же до предела спокойно и рассудительно отвечает мне Витька, – днем он будет спать. Ему тихий час

положен, а мы тем временем потихоньку посидим, отметим нашу годовщину...

– Вот какие трезвенники нашлись! – начинаю я их обличать, – Тихой сапой жить хотите!? Все тихонько, все мягонько, все спокойненько!.. На пухлых коврах с овсяным печеньем!.. Обмещанились вы без меня, как я погляжу! Пульс жизни не чувствуете в своем теплом болоте! А она, эта самая жизнь, мимо проходит!.. Эх, смотрю я на вас и жалко становится, – постарели вы раньше срока в своих полосатых пижамах... Прежде какими орлами были, – Витька и Ленка! – два сапога пара! А теперь что? Два шлепанца!.. Елена Васильевна, видите ли, и, извини-подвинься, Виктор... Как там тебя по батюшке?.. Небось, в первых рядах общества трезвости ходите? За наградами и всеобщим уважением тянетесь?..

Витька ложечкой остывший чай помешивает и молчит. Нечего ему, видно, сказать на мои обличения. А Ленка опять не утерпела.

– Это, – говорит, – твой взгляд на жизнь. А мы с Витей давно поняли, что настоящая жизнь как раз во всем этом, – и полненькой ручкой своей эдак элегантно вокруг себя показывает, – В доме, в семье, в детях... А что мы раньше сквозь бутылочное стекло видели?

А потом вдруг, ни с того ни с сего, заторопилась. Видно, стыдно стало. Поняла, что глупость сморозила.

– Ну ладно, – говорит, – У меня нет времени с вами разговаривать. Мне с малышом надо погулять, да еще хочу в уни-

версам заскочить, может там что-нибудь съестное выбросили... А вы, мужчины, без меня спокойно сидите и не ссорьтесь меж собой. Я скоро вернусь.

Как я это услышал, так сразу и успокоился. А Витька, бесчувственный мещанин в первом поколении, вообще ни капли не волновался. Удивительнейший человек! Или просто нервы крепкие?

Сидим мы так спокойненько, чаек потягиваем, джемом с печеньем закусываем. Под ногами малец, тетка мой, вертится. По мухоморам ползает и сопلي пускает. Никто мне спиртного не предлагает и с этим, увы, приходится мириться. Я ж культурный, понимаю, что в чужой монастырь со своим уставом суваться нечего. Тем более в Витькин... С ним вообще лучше не шутить. Опасно и чревато самыми пренеприятнейшими последствиями...

Но не зря говорят: надеждой единой жив человек, и я, несмотря ни на что, стоически терплю подобные над собой измывательства. Терплю и тем временем в свое удовольствие джемом наслаждаюсь. Полбанки с расстройства съел. Джем, кстати, весьма неплохой вещью оказался, только очень уж он сладкий и клубникой воняет.

Сижу я, значит, терплю, что есть сил, жду – не дождусь, когда же Ленка со своим сопливым спиногрызом гулять отправится. Я прямо-таки весь извелся, пока они целых полчаса одевались в прихожей. И шубку, видите ли, надо одеть, и платочек тоже, и шарфик, и шапочку... А на ножки еще

и валеночки... И все с приговорками!.. Тьфу!.. Они там в прихожей возятся, а я сижу как на иголках. Весь ихний стул гарнитурный своим задом изъерзал, навел полировку, но как только хлопнула за Ленкой дверь, я сразу же ерзать перестал, выплеснул в вазу остатки чая из своей чашки и быстренько подставил ее Витьке.

– Ну, давай, – говорю, – наливай скорей!

А Витька – видно, действительно в последние годы его старость здорово одолела и он стал плохо соображать, – прикидывается непонимающим.

– Тебе еще чаю? – спрашивает.

Тут уж терпению моему пришел конец. Отшвырнул я отполированный стул и к двери направился. Очень у меня тогда был решительный вид. Иду, а сам думаю, когда же Витька меня остановит, в прихожей или на лестнице. Но он оказался культурнее, чем я ожидал. Я еще не успел из комнаты выйти, а он уже мне в спину кричит:

– Постой, ненормальный! – говорит, – Потерпи еще немножко...

Обернулся я к Витьке, а он продолжает:

– Ну потерпи, пожалуйста! Я все понимаю, но без Лены я не могу. Подожди, скоро они вернутся, на стол накроем, сына спать уложим... Или ты, может быть, в туалет захотел? Не забыл еще, где он расположен? Вторая дверь направо...

Люблю я, когда со мной по-человечески разговаривают. Пусть даже издеваются, но чтобы обязательно культурно, по-

человечески... Тогда я все на свете стерплю... И я, оценив Витькин туалетный юмор, ему улыбаюсь.

– Конечно, – говорю, – помню. Сиди, сейчас приду.

Сходил я благополучно в туалет, там обдумал сложившуюся ситуацию. Уже два часа оттерпел, думаю, неужто еще час не выдержу, сломаюсь? Или у меня силы воли нет? Вышел я из туалета совершенно другим человеком, который решил ждать и терпеть до последнего. Но Витьке, думаю, я обязательно отомщу! Нечего ему, козлу паршивому, меня мучить!

Вхожу я в комнату, сажусь на полюбившийся и ставший родным стул и с нескрываемым сочувствием спрашиваю Витьку:

– Как же ты, бедняга, – говорю, – до жизни такой докатился?

А он сразу же начинает оправдываться:

– Понимаешь, – говорит Витька, – мы с Леной еще перед свадьбой друг другу слово дали, что больше пить не будем. И что эта свадьба станет последней нашей пьянкой в жизни. Чтоб напиться на всю катушку и обрезать навсегда!.. А когда посмотрели на тебя, как ты, нажравшись до умопомрачения, вел себя на нашей свадьбе, то лишний раз убедились в правильности своего решения. И обрезали... Вдвоем же легче держаться...

– И не тянет? – жалостливо спрашиваю я его.

– Вначале, конечно, тянуло, – делится Витька своим тяжелым опытом, – но, если б не выдержали, как же мы тогда в

глаза друг другу глядели бы? И потом, самое главное, – мы же очень хотели сына... Дети – это счастье!..

Почесал я затылок, за ухо себя подергал. Соображаю, что же ему сказать на эту исповедь, как получше уязвить Витьку.

– Да, – начинаю я его стыдить, – смотрю я на тебя, – кончился наш Витька! Совсем ты обабился! Без Ленки своей уж никуда! Чтоб стопку поднять, и то ее помощь требуется... Может, и в уборную она тебя за ручку водит!?

Говорю я Витьке все эти, для любого нормального мужика очень обидные слова, жду, когда же он, наконец, начнет возмущаться, чтоб потом еще достойнее ему возразить. А Витька, как будто вовсе спорить не хочет, во всем со мной соглашается.

– Да, – говорит, – честно тебе признаюсь: без Лены мне бы хана была.

Ага, думаю, вот уже и человеческие слова стал употреблять. Вспоминается, видно, прекрасное прошлое. Да и куда от него уйдешь, куда денешься? И я, как змей-искуситель, продолжаю терзать Витькину печенку. Пусть гад знает, как меня, больного человека, мучить!

– А что же вы, предатели, – говорю, – со мною не поделились своими грандиозными планами? Я бы вас в два счета на истинный путь наставил. Может быть, чем-нибудь помог... Ты же знаешь, – я для друга на все готов!

– Вот-вот, – отвечает Витька, – Вижу я какой ты приткий и шустрый! Столько всего сегодня нам наговорил: и о нашем

болоте, и о наших мещанских замашках... И сейчас слушать тошно, а как бы мы пять лет тому назад перед ними устояли?..

Смотрю, трезво Витька рассуждает, а самое главное, культурно. Знает ведь, что я поговорить люблю и, если захочу, кого угодно в свою веру переделаю. Мне нужных доводов не занимать, своя голова на плечах имеется.

А Витька тем временем продолжает передо мной исповедоваться.

– А сейчас, – говорит, – мне не страшно. Я твердо знаю, никакие твои тошнотворные слова не заставят меня снова лакать эту гадость! Просто, в отличие от тебя, мне есть что терять в жизни...

– Коврик мухоморный, что ли? – криво усмехаясь, отражаю я Витькину атаку.

– Нет, – отвечает мне Витька, – Коврик здесь ни причем... Да он ничем не лучше твоего телевизора. Хорошо, конечно, что они у нас есть, но не ради них люди живут... И ковер, и телевизор, как и все вещи, нечто второстепенное, сопутствующее в нашей жизни... Главное другое: у меня есть любимая жена, любимый сын... Скоро дочка будет...

Задумался я. Пустую чашку по столу катаю, на джем уже и не смотрю, думу думаю. Жена, конечно, вещь хорошая. И дети тоже... Может и прав Витька, радуясь своей семейной жизни?.. Но и без телевизора жить нельзя. Сколько я по нему интересного увидел! Никакая жена столько не расска-

жет, хоть с ней все ночи напролет разговаривай... И жалко же его выбрасывать. Конечно, телик у меня старенький, еще предками завещанный, на ладан дышит, но сломается он у меня, что я делать буду? На новый денег вовек не наскрести... Да и где его купишь?..

– Э, – говорю я, – ты, Витька, в корне не прав! Жену сейчас найти легче, чем новый телик приобрести! Слово "дефицит" слышал, надеюсь? Очень популярное в народе слово! Особенно сегодня, когда мы к рынку плетемся... Не теми ценностями, уважаемый Виктор Батькович, живете! У вас-то где телевизор!? А!?

– Ценности ценностями, – философствует Витька, – без них не обойтись. Но кроме всяких твоих "неплохих и стоящих вещей" должно быть у человека в душе что-то более ценное, то, ради чего он живет... Вот скажи мне: кому ты нужен на этом белом свете?

– Как кому? – говорю я и начинаю перебирать в памяти своих друзей-приятелей, по очереди их в сторону откладывая. Но после небольшой паузы я все же нашелся, что сказать.

– Может быть и нужен, – говорю, – Нашим ребятам в котельной нужен, им без меня даже печку не разжечь... Потом тебе нужен... Иначе на кой ты меня к себе в гости пригласил? Потом еще... Да, вот на днях Галька, соседка моя по коммуналке, очень на меня заглядывалась...

– Так ты, наверно, рубашку свою задом наперед одел...

Или шиворот на выворот, а она смотрела и стеснялась тебе об этом сказать! – смеется Витька.

Я снова задумался, погрузился в свои мысли. Действительно, было дело. На прошлой неделе я случайно одел рубашку на левую сторону. Надо мной тогда в котельной ребята долго хохотали и даже побить грозились, чтоб оправдать народную примету. Было дело, не отопрешься... Вот только никак сейчас не вспомнить, в тот ли день на меня Галька загляделась или в другой?.. Все дни, как близнецы, друг на друга похожи, разве различишь?.. А интересно, думаю, откуда это Витька про рубашку знает? Следит, что ли, за мной!?

– Да кому ты нужен! – отвечает мне Витька, телепатически угадав возникший в моей голове вопрос, а может быть, просто продолжая свою прерванную мысль. – Если не рубашка, то, значит, сажу с лица не смысл. Какая разница? Вот лучше скажи: кто о тебе заботится? А главное, о ком ты сам заботаешься?.. О телевизоре?

– Да, – говорю, – Скоро вот техника вызову. Кадры по экрану, словно зебры скачут. Весь вечер в "Мире животных" .. Как же ему жить дальше без моей заботы?

– Не понимаешь ты меня! – машет рукой Витька, – Или не хочешь понять... Все ерничаешь...

А я ему в ответ:

– А ты ведешь себя не культурно! Разве можно человеку говорить в глаза, что он никому на свете не нужен? Может быть, я сейчас приду домой и с горя повешусь...

– Такой неисправимый оптимист, как ты, и вдруг повесится? – недоверчиво тянет Витька, а потом, гад, ехидничает: – А что у тебя телевизор сломался?

– Да отстань ты от меня со своим телевизором! – кричу я ему.

– Да он не мой, а твой, – смеется Витька.

Немного помолчали. Устал я с Витькой пикироваться, да и голова моя как-то после всех этих нудных разговоров и чайка с клубничным джемом снова назад у меня склеилась. Незачем, значит, больше ни на ком сердце срывать. Надо себя поберечь...

Потом мы поговорили с Витькой поспокойнее, пообсуждали нейтральные темы. Успокоил он меня по поводу той второй комнатухи, которая вызвала в моей голове неприятные сомнения. Обсудили экономическое положение страны и республики, парниковый эффект и озоновую дыру, советскую мафию, собственное здоровье и разные другие мелочи. Покритиковали Кашпировского и президента, обоих за обман народа... Вообще-то культурно пообщались. А потом прозвучала музыка дверного звонка и Витька стремглав бросился в прихожую. Вышел и я туда.

Мой тетка, раскрасневшийся и веселый, пока Витька его раздевал, что-то лепетал на своем, ему одному понятном языке. Видно, рассказывал о том, что он увидел на улице. А Витька – вот смех! – ему поддакивал, как будто что-нибудь понимал в этом нечленораздельном лепетанье. Потом он по-

вел сына в ванную, ручки опосля гулянки помыть. А Ленка еще раньше, быстренько сбросив пальто и сапоги, ускакала на кухню. Я сунулся было туда, сюда, смотрю, – всем я мешаю. У них ведь разделение труда, а я в ногах путаюсь. Пошел назад в комнату, думаю, хоть на стол помогу накрыть, может, тогда побыстрее сядем. Собрал чашки, блюдца, ложечки. Потасил на кухню и, как назло, об ковер их мухоморный запнулся. Вот чертовы шлепанцы! Сто лет учиться нужно, чтоб в них ходить! А чашка – хлоп на пол, за ней другая – дзинь! И вдребезги! Я чуть не расплакался. Такая обида меня взяла... И жалко себя стало до одури, все только порчу я... На шум Ленка с кухни прибежала, меня успокаивает, к счастью, говорит, посуда бьется. Эх, если б так...

А потом все веселее пошло. Накормили малыша кашкой и Витька пошел в детскую спать его укладывать. Сказочку, я слышал, рассказывал и песенку какую-то мне неизвестную напевал. Мне она не понравилась. То ли дело общенародная колыбельная "спят усталые игрушки...", любому младенцу понятна... И мне тоже.

А Ленка тем временем на кухне крутилась, я сходил, от нечего делать посмотрел. Руки ее так и мелькали, как заведенные, то в миску, то в холодильник, то в духовку, у меня аж голова закружилась. Здорово! И вообще у них на пару все очень ловко получалось. Мне понравилось. Я даже, грешным делом, подумал, а смог бы я так домашним хозяйством заниматься? И надолго бы меня хватило? Ну, колбаску поре-

зять, на стол газетку кинуть – с этим я точно справлюсь. А остальное?

Потом мы с Витькой таскали с кухни различные кушанья и расставляли их на столе. Они там едва уместились, а Ленка все откуда-то доставала и доставала еще какие-то тарелочки, салатники и другие плоски чем-то съестным наполненные. Наконец стол был готов и можно было сесть за него, но тут Ленка зачем-то убежала в детскую. Мы с Витькой сидим как истуканы, ждем ее и вдруг она выходит! Вся из себя, в зеленое платье разодетая и на шее малахитные бусы болтаются. Смотрю я на Витьку, а он, оказывается, еще раньше, видно, когда песенки распевал, переоделся, вылез из своей полосатой пижамы. Сидит в тройку одетый и ус теребит, как фонбарон какой-то! Посмотрел я на них, – и аж стыдно за себя стало. Пообдергал я свой скромненький пиджачок, свитерную закрутку под подбородком оправил и пожалел о том, что на сей раз не побрился. Но не расстроился. Ну что ж, у меня еще все впереди, может быть, и я когда-нибудь так жить буду. Все в наших руках, как говорится...

Само собой, как культурный человек, я повосхищался Ленкиным нарядом, бусы пощупал, поинтересовался сколько за них плачено. Женщины, знаю, любят такие вопросы.

– Везет вам, теткам! – говорю, – Разные безделушки нацепите на себя и до упада счастливы. А нам мужикам что остается? Вот только радость одна: напиться до бесчувствия и о жизни поговорить.

Ленка в ответ на мои комплименты расплылась в элегантной улыбке и у меня настроение поднялось. Значит, не забыл еще как полагается за дамами ухаживать. Может, думаю, и мне тоже жениться?

А Ленка уселась за стол, причесочку поправила и говорит Витьке:

– Витя, что же ты? Давай командуй за столом, это же мужское дело!

Витька, которому настоящий командир, наконец-то, передал бразды правления, от души этому радуется. Облеченный таким небывалым доверием, он достает из ящика в стенке бутылку шампанского.

– Ой, Леночка! – вдруг вскрикивает Витька, – Я забыл его в холодильник поставить!

Витька извиняется, а мне смешно. Это ж не водка, чтоб его охлаждать! А вообще-то, честно говоря, мне не до смеха было. Пить кислятину – какая же радость!? Но в этом доме все не по-людски. Чего уж еще ожидать...

А Ленка Витьке сначала втык сделала:

– Вечно, – говорит, – ты что-нибудь забудешь! Ну вам пить, не мне... Сами решайте. Можете на часик в морозилку засунуть...

У меня сердце так и упало: неужто, еще час придется дожидаться? Но Витька, наверно, понял мои мучения, потому что не среагировал на Ленкин совет и стал невозмутимо срывать с бутылочного горлышка фольгу. Молодец! Права

поговорка: выслушай женщину и сделай наоборот!

А Ленка передо мной оправдываться начала:

– Мы эту бутылку, – говорит, – почти год назад специально для сегодняшней годовщины купили. В магазинах сейчас, сам знаешь, приличного вина не достать, не то что шампанского... А как стенку привезли, Витя в бар бутылку засунул и позабыл о ней.

Ну Ленка! Ну актриса! Все хитрости ее видны как на ладони. Ничего нового, вроде бы, и не сказала, но все так вывернула, чтоб я сразу мог усечь, какой у нее хороший непьющий мужик, который целый год о бутылке не вспоминает.

Но тут хлопнула пробка и пена шибанула прямо на середину стола. Туда, где розочки. Я кричу: "Держи ее!", а Ленка руку с бокалом тянет, пытаюсь хоть что-нибудь поймать. Представляете картинку!/? Взглянул я на бутылку в Витькиных кривых руках и, простите, в сердцах обматерился. Оно и понятно. Что еще скажешь? Во-первых, полбутылки как ни бывало. Во-вторых, криворукий Витька обрызгал шампанским рукав Ленкиного платья и испортил ей весь марафет. А в-третьих, детей-то рядом не было, почему бы не излить чувство?

А Ленка мне сразу же:

– Ты, – говорит, – несколько не изменился. Разве так можно? Не в котельной же...

Застыдила меня Ленка, но я классно выпутался из этого скользкого положения.

– А что, – говорю, – нельзя Витькину маму в годовщину вашей свадьбы вспомнить? Мы еще за нее выпьем! Как никак, а она бабушкой моему тезке приходится.

Короче, замяли мы мой промах. Кто же знал, что они настолько щепетильны? Насквозь культурой пропитались, что уже не могут вынести искреннего мужского возмущения.

Забрал я у Витьки бутылку. Трезвенникам нельзя доверять такие ценные вещи, – вдруг, чтоб организовать безалкогольную пьянку, выльет на скатерть остатки драгоценной жидкости. Я сам наполнил бокалы: себе – доверху, Витьке, как штрафнику – половинку, а Ленке, как она не сопротивлялась, чуть-чуть на донышке. Чтоб малость с нами посидела за компанию. Кстати, – раз зашел об этом разговор, – у них теперь не граненые, всем привычные стаканы, а изящные фужоры. Культура, скажу вам, – высший класс!

Я давно знал, что шампанское – стоящая вещь и употреблять его считается неминуемым признаком высокой культуры, но когда в давние времена, помнится, я его пил, у меня всегда почему-то в горле першило и мозги как-то не совсем так туманились. Но делать нечего. Да и на нет и суда нет! Надо пить, что наливают. Как говаривал покойный Харитоныч, не тем будь старик помянут: "На халяву и уксус сладкий..." Поднимаю я свой фужор и, памятуя о культуре возлияний, тост толкаю:

– Желаю вам, – говорю, – всех благ! – и собираюсь единым залпом опрокинуть в себя содержимое.

Но не тут-то было.

– А у нас все блага уже есть! – опять Ленка встречается, – Вот на днях мне ужасно повезло: у нас на работе разыгрывали облигации на разные дефицитные товары и я выиграла облигацию на цветной телевизор. Если все будет хорошо, то в третьем квартале девяносто третьего года должны его приобрести...

Я аж даже шампанским подавился. С одной стороны, как Ленка может себя так вести? Никакой культуры питания! Надо же дать сначала всем выпить и выпитое занюхать, а потом уж под закуску, когда все будут ее себе в рот метать, разглагольствовать. Если, конечно, пожелают закусывать и по второй не нальют... А с другой стороны, им действительно здорово повезло! Кто бы не хотел иметь цветной телик, чтоб в красках изучать окружающий мир?..

Допил я эту кислую отраву, хотел, было, Витьке напомнить наш разговор о телевизоре, а потом, думаю, бог с ним, чего зря человека травить. Себе дороже... Он же теперь непьющий, ни фига не понимает... Сижу, с тарелки все, что Ленка подкладывает, уплетаю и о жизни своей проклятушей размышляю. Вроде, все у меня прекрасно складывается в жизни, – и работа, и баня, и прочие развлечения, – но все же чего-то для полного счастья не хватает... Только чего, думаю? Просто не везет мне в жизни, вечно фортуна задом ко мне поворачивается... Витька – тот прушник! Ему всегда все удавалось... И через три года, как уверяет Ленка, у

него будут и телевизор, и жена, и дети... А у меня?.. Нет, думаю, Ленка – определенно молодец! За Витьку по-настоящему взялась... И готовит хорошо. Вон какие салатки наворочала – язык проглотишь! Да-а, нормальную бабу Витька себе в жены отхватил. А я ей фингал зачем-то под глаз засветил... Ну, это – ерунда! Что ни делается, все к лучшему! Видно, нужен был и мой вклад в Ленкино воспитание... Где бы еще такую найти? На этот раз для меня...

Задумался я, приуныл малость, а Витька с Ленкой, чувствую, нервничают. И чтобы прогнать свои муторные мысли и их заодно уж развеселить маленько, начинаю новый разговор.

– Если б вы были чуточку потерпеливее, – говорю, – то мы бы сейчас не шампанским баловались, а настоящий мужской напиток употребляли. Понятное дело, – добавляю, – пока малец спит...

Витька с Ленкой переглянулись.

– Ты это о чем? – хором спрашивают меня.

– Как это о чем? – вторю я им и во весь рот улыбаюсь, стараясь выглядеть как можно загадочнее. – Подарок-то мой на свадьбу, небось, давно приговорили? Чего-то я его нигде не вижу. Признавайтесь, – говорю, – черти полосатые, куда вы подевали мой дареный сурприз на счастье!?

Тут Ленка с непонятной живостью вскакивает со своего места и выбегает в прихожую. Чего это с ней, думаю? Неужели, стыдно стало? А Витька меня успокаивает, по коленке

хлопает. Подожди, мол, сейчас заявится. И точно, минуты не прошло, возвращается запыхавшаяся Ленка и подмышкой сверток какой-то, в газету упакованный тащит. Развернула, смотрю, – моя любимая ботиночная коробка!

Она, – говорит Ленка, – у нас лежит на антресолях. И не волнуйся: жива-здорова, цела и невредима, все узелки на месте!

Я было поначалу обиделся. Это ж надо, – мой сурприз, да куда-то в кладовку засунуть! Не стал я скрывать своего возмущения и высказал его вслух.

А Ленка сразу же оправдываться стала:

– Ну, разве можно, – говорит, – такую срамоту на виду держать? Вдруг детям на глаза попадетсЯ? Она же голая, да еще с усами...

– Ты, Ленка, – говорю, – абсолютно не права! Она не голая, а обнаженная... Хоть ты, – говорю, – коврами и стенками со всех сторон обложились, но в настоящем искусстве ни хрена не разбираешься! Пусть бы мой тетка с малых лет изучал живописные произведения и не был бы таким серым, как его невежественные родители... На стенку бы повесили. У меня дома и рамка для такого доброго дела приготовлена, если хотите, могу завтра же вам притащить...

– Ну, уж нет! – вскидывается Ленка, как самка из мира животных, защищающая свое логово, – Вон, видишь, у нас репродукция "Грачи прилетели" висит и хватит с нас живописи...

Вот оно, наше современное мышление! Или мышление? Уж теперь и не знаю, как правильно говорить. До чего доказались! Никакой культуры в жизни простого трудового народа! Куда только государство смотрит? И Витька с Ленкой сами хороши! Подвесили под потолок Сурикова и счастливы до опупения...

– Ты, – говорит мне Ленка, – не думай, что твой подарок все время лежал на антресолях. Первые два года он стоял у нас на серванте. Как предостережение... Посмотрим мы на него с Витей, так сразу же тебя вспоминаем и еще крепче растет в нас желание: больше не пить!

– И меньше тоже... – язвлю я.

А сам внимательно разглядываю коробку. Точно, где она только за эти годы не валялась! Картинка выгорела, усатая дама поблекла и нужного эффекта почему-то в этот раз на меня не произвела. Но все узлы целы, даже бантик мой украшательный не тронут. Видно, в самом деле не удосужились вскрыть. Зря, значит, я Витьку нещадно тогда поливал...

– Давайте, – говорю, – сейчас ее откроем! – и к ножу уже потянулся, чтобы веревку разрезать.

– А зачем? – остановил мою руку Витька.

– Как зачем? – удивляюсь я, – А вдруг испортится!?

– Такие продукты не портятся, – снова встречается в мужской разговор Ленка, – И потом, мне кажется, что сегодня нам бутылки шампанского вполне хватит...

– А ты откуда знаешь, что там положено!?! – всполошил-

ся я. Неужто, думаю, все же, эти гады коробку открывали, а меня сейчас разыгрывают!

– Да мы сразу же догадались, – отвечает Ленка, – А после того, как ты стал Вите названивать и убеждать его, что ему очень плохо живется, мы и сомневаться перестали... Да и что еще ты можешь придумать для свадебного подарка!? На большее фантазии не хватит...

Очень некультурно говорить такие гадости прямо в лицо порядочному человеку, да еще если этим занимается представительница прекрасного пола, и я, сами понимаете, просто вынужден был оскорбиться. Поднимаюсь я из-за стола и говорю:

– Спасибо за угощение, друзья мои... Накушался я вами сегодня до отвращения. Тошнит даже... Вовек вас не забуду! Даже у нас в котельной такое себе не позволяют...

Тут оба они, и Витька, и Ленка, не сговариваясь, на руках моих повисли, снова за стол меня усаживают, изо всех сил уговаривают.

– Извини ты нас, – говорит Витька, – Не злись понапрасну. И пойми... На правду не стоит обижаться. Что есть, то есть. Просто и тебе тоже надо меняться. Не мальчик уже, пора о будущем думать...

Сiju я, о будущем думаю. Что, думаю, делать буду, когда домой приду. На Ленкины салаты и цыпленка с табаком – ноль внимания. Не стал я даже шампанское допивать, настолько они всей своей счастливой жизнью мне настроение

испортили... А перевязанная коробка на диване одиноко валяется, всеми позабытая. Так же, как и я, скучает... Вот, думаю, возьму ее сейчас, распотрошу в пух и прах и выпью все залпом! То-то крику будет! И о моей жизни, и о моем возрасте, и о моем будущем...

А Ленка перехватила мой взгляд – как она только все успевает! – и говорит:

– Ну, сам посуди, – говорит, – Разве нам плохо? Мы очень хорошо живем. Вот скоро участок возьмем от Витиной работы. Будем строить для детишек дачу, да и сами огородом займемся...

Опять Ленка заводит свою неистощимую пластинку, опять без зазрения совести меня травить начинает... Вот смотри, мол, алкаш заскорюзлый, какой насыщенной и счастливой жизнью мы живем! Завидууй!

Но тут, благо, Витька вмешался, на место поставил свою ненаглядную супружницу. И так это у него по-мужски вышло.

– А ну, – говорит, – перестань! Чего к человеку пристала!?

А сам ко мне обращается:

– Ладно, – говорит, – успокойся и не ершись! Жизнь твоя и тебе самому решать, как ее прожить... И никто в твои дела вмешиваться не собирается. Сам соображай, кумекай, что к чему... И помни, ты кузнец не только своего счастья, но и своего горя... А что касается твоего сюрприза, то давай я его лучше тебе назад подарю? Для нас с Леной свою роль он уже

сыграл, счастье, сам видишь, принес, а тебе в любом случае пригодится... Неси свою драгоценную бутылку домой и сам решай, стоит ли открывать этот "сюрприз" на счастье... Не убежит ли оно при вскрытии?

Слаб все же человек! Воспользовался я этим шикарным Витькиным жестом, взял коробку, в полиэтиленовый мешок ее засунул, чтоб на улице прохожие не приставали, выпросил у Ленки майонезную баночку клубничного джема и домой поплелся. Прихожу, дома пусто и развал страшный, как после гражданской войны, тапочек никто не предлагает, по ковру никто не ползает, да и ковра-то нету...

Ходил-ходил по комнате из угла в угол, благо площадь позволяет... Затылок пятерней чесал, словно год в бане не был... Настроение – хуже некуда и никак само по себе подниматься не хочет. В голове Ленка с Витькой на пару со своим мальцом вертятся и вместе со мной меряют комнату шагами. Ну что, думаю, со мной сегодня произошло? Ничего особенного... Ну не напился, как обычно, так кто ж знал, что так получится... Кто ж знал, куда судьба меня занесет... Был в гостях или нет – сам не пойму... Пил или не пил – одному богу известно...

Достал из мешка коробку, смотрю на нее – и все в глазах расплывается. Ощущение какое-то до беспредельности странное. То за нож хочется схватиться, веревку разорвать, то в харю плюнуть этой наглой бабе... Думал я, думал, долго колебался, а потом взял и закинул этот сюрприз на шкаф.

Пусть там пока повалывается... А сам взял джем и к соседке пошел телевизор глядеть. Может, думаю, Галья чаю нальет, а я ее джемом угощу. Пусть попробует, как иногда съедобные вещи клубникой пахнут. А то все телевизор да телевизор, совсем, бедняга, жизни не видит.

А сюрприз мой уже третью неделю на шкафу лежит. Непотребная тетка с верхотуры пялится на меня укоризненно и по утрам шевелит усами. Но я стойкий парень! "Не возьмешь меня, стерва!" – кричу я ей, как только завижу ее скотскую улыбочку. "Ничего у тебя не выйдет! – кричу, – Накось выкуси!!" И Галя моя также говорит...

ноябрь 1990